

АВИАТОРЫ СВЕТА

84(2-411.2)6-4

Л433

СА-395859

ТАТЬЯНА ЩЕГЛОВА

ТАТЬЯНА ЩЕГЛОВА

АВИАТОРЫ СВЕТА

Повести, рассказы

Москва 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

09-395859

Наташе Седых
и тем, кто «охраняет нас
с мечом обращающимся»

Современные картинки в буколической
аранжировке

І. Учреждение культуры

...Мне очень верилось, что это — правильное начало. Я вернулась в «Липконцерт» к своим, как возвращаются к истокам, к любимым образам детства, и людям, которых ты знаешь с того самого времени. И кто бы мог подумать, что так вот случится...

— Татьяна, см-и-и-р-р-и-и-сь, — голос Кати, директора филармонии, грохотал по коридору, отзываясь эхом. Струны задребезжали на уныло прислонённой в углу большой балалайке, отозвавшись на архаичных гусях, и завершились жалобными обертонами в благородных басах рояля, под его приоткрытой крышкой. До нового зычного вскрика:

— Сми-и-р-р-ись, я тебе говорю!

— Прошу не кричать!

— Ты лучше молчи!

— А я и молчу...

И снова это её:

— Сми-и-р-р-ись!

Так вот, продолжаю. В концертной организации, куда я пришла работать и «сеять доброе-вечное», собрались мои давние подруги и однокашницы. Вера Еловая, «Ёлочка», как мы называли её со времён музыкальной школы. Великолепный музыковед и преподаватель теории музыки, человек, органично сочетающий в себе сдержанность, способность довольствоваться малым и одновременно — фееричную праздничность, ожидание

* *Буколический* — созерцательный, пасторальный, идеалистический.

нового праздника. Казалось, что Еловая знает о музыке всё. Она без «костылей» и подпорок в виде книжных томов и уж тем более сведений интернета ответит на тончайший вопрос из жизни великих, и равно легко общается на концертах с гениальными мировыми звёздами и многообещающей молодёжью. А когда Еловая выходит на сцену в одном из своих «парадных» платьев до пят (мой сын, увидев однажды такое на плечиках, назвал его люстрой), мужская половина зрителей просто не дышит...

— Андрюша, я вас не вызывала, я вас потом позову... — это на концерте, со сцены, в сторону зарвавшегося и зазвездившегося тенора-лауреата, только что исполнившего Германа из «Пиковой дамы», и тот уже ретировался стыдливо, куда только девалась прежняя спесь...

Пианистка Люба Пличко, Любана, как её ласково называют, — лучший концертмейстер в регионе и дальше, про неё ещё говорят, что даже «чёрта лысого с листа сыграет», она аккомпанирует всем гастрольным певцам, в том числе из Ла Скала и Метрополитен-Опера... Спортивного типа, выносливая, немногословная, с мужским характером и очень надёжная. Настоящий воин от музыки...

Обожаемое мной музыкальное войско, жрицы и жрецы, поднимающиеся на сцену в облачениях монастырского чёрного цвета, забывающие себя, не думающие о каких-либо бытовизмах, а только о том, как прозвучала нота... Да с такой командой — и не работать!?

Первые же дни доказали ошибочность и иллюзорность моих представлений о жизни современных учреждений культуры. Коротко их можно уложить в избитый анекдот: «Алё, это прачечная? Х... ная, это управление искусства!»

— Сми-рр-и-исы! — всё ещё грохочет по коридору зычный голос директора Катерины Петровны.

На этот раз среагировали артисты. Вокалисты оборвали бурные рулады и трели, затихли, нишкнули в никуда (поздно среагировали, — злорадно отметила я, — петь — это ещё не значит иметь ушной аппарат как отдельный инструмент и уметь слышать!). Менеджеры во главе с Алисой, исполняющей по совместительству бабу Ягу и Лисичку, дипломатично, на цыпочках, задраивали хилые двери, пытаясь защититься от

взрывной волны гнева начальницы, сокрушающей, сметающей всё на своём пути...

— Еловую ко мне!

Жалкий голос сбоку, из закутка вахтёрной:

— Еловая обедает!

О! Значит, эта склока продолжится тет-а-тет, вот не повезло!

Катя пришла в «Липконцерт» с театральных подмостков, на которых десять лет своей жизни отдала работе главрежа самодеятельной труппы. Волновалась, истощалась, взвинчивала себя и артистов в постановках «Макбета», «Отелло» и «Маленьких трагедий», а также в современных пьесах. И теперь ей этого явно не хватало. Не хватало света рамп, репетиций и споров с актёрами, непредсказуемых театральных капризов и драматических ситуаций, доведённых, как в данном случае, до буффонады...

«Что я слышу, что я слышу, — с тоской и недоумением вопрошала я про себя. — А ведь до этого я числилась в её приятельницах и даже частенько бывала на загородной директорской дачке».

И я вспомнила, как пару лет назад по заданию редакции побывала в одной армянской семье. Её хозяйка — настоящая госпожа дома! — Ануш, ныне слепая, когда-то занималась вокалом и сохранила привычки светской львицы. А её инфантильный сорокалетний сын всё ещё выступал в танцевальном ансамбле. Обстановка в доме была весьма и весьма запущенной. «Помыть бы всё это», — невольно подумала я, опасливо наступая на обшарпанный грязный пол, рассматривая заплывшую в кухонном чаду мебель, чашки, из которых меня угощали чаем, и прочее, прочее. Повторюсь, женщина была слепой, а её — сын — никчёмным.

Почувяв во мне молодость и энергичность, Ануш быстро воодушевилась и стала фантазировать, как хорошо бы уехать на юг, в какой-нибудь украинский город типа Бердянска, втроём: она, сын и я, естественно, в роли невестки.

— Я бы пекла пирожки, а вы с сыночкой продавали бы их у моря... На юге легко прокормиться, — рассуждала она. И, опережая мои вопросы и протесты:

— Вы мне понравились!

Я обалдела от столь стремительного развития сюжета.

Не дав мне опомниться, грузная Ануш привстала со стула, нащупала висевшую на гвоздике шляпу — вариант оказался «сценический», с приклеенными длинными волосами, удобный парик — и тут же начала выводить бравые рулады из какой-то незамысловатой оперетты.

Закончив первый куплет, предложила погадать мне на картах «на удачу», потом позвала на свой концерт в интернат для слепых — я просто не успевала следить за ходом её мысли, ведь я пришла по письму подготовить материал о проблемах ЖКХ.

В этой женщине всё было шумно, по южному раскидисто, написано сочными красками и, на мой среднерусский менталитет, слишком уж чрезмерно и бурно. Ей не хватало соразмерности, лаконичности, такта — той скромности красок, которые даёт наша природа, её поля, лесостепь, с тонкостью нюансировок и неспешным движением... Я поняла, что если ещё хоть ненадолго задержусь в этой квартире, мой мозг будет вынесен напрочь, и ретировалась столь быстро, как только могла. Вот так же и здесь...

— Изумительно, — произнесла я вслух, обращаясь к директору, — дайте кофе.

Катя мстительно прошипела в ответ: «Вот ещё!..». И, бросившись в свой кабинет, — я за ней туда последовала, попыталась продолжить сцену, начатую в предбаннике. Дверь за нами закрылась.

Усевшись в кресло, Катя прильнула к просторному полированному столу и понемногу приходила в себя. Фальшивая истерика почти завершилась.

— Ну-с, и где рекламные вырезки из газет? (никогда не знала, что это — на мне!) — Выпо-то свою непокорную пригни! Бог — он всё видит!

И тут же, обнаружив, что рука моя потянулась к кипе изданий:

— Не бери со стола мою прессу, не ты здесь её положила...

Ну и ну!

В кабинете Кати почётные грамоты с фестивалей и конкурсов перемежались с многочисленными иконами. Начальница недавно встала на путь воцерковления, и на самом почётном месте, на полке, разместилась крупная ваза с нарезанными и засушенными просфорами и церковная свечка.

Я посмотрела на часы. Поклонилась древнерусским поклоном. Налила кофе себе и ей.

— Оглянитесь, Катерина Петровна, кроме нас тут никого нет, и тем не менее, можем продолжить... Во-первых, для объявлений у вас есть курьер, а я, как-никак, руководитель пресс-службы. А во-вторых, если уж говорить про выю... То для начала не гремите кимвалами, мы не в монастыре и вы не диаконисса. Если уж на то пошло, то я лучше оторву свои лядвии от стула и отправлюсь в монастырь настоящий, где любые проповеди и наставления приму более смиренно... Наипаче... наипаче, — завершила я как бы в раздумье.

Катерина Петровна выбежала из кабинета с полужакрытыми глазами, прижав кулак со скомканным платком ко лбу и, пока я её дожидалась, за полчаса «родила» в отделе кадров специально для меня длинный «поминальник» обязанностей, главной строчкой в котором было: «выполнять любые требования руководства».

— Вот так! — торжествующе провозгласила директор, наблюдая, как я тушуюсь.

Я в ответ вытащила чистый листок из принтера и молча, с горестным выражением лица, написала заявление на пятидневный отпуск за свой счёт.

Подала ей бумагу:

— Ну, не буду вам мешать в ваших духовных исканиях, оставайтесь с миром.

— Ну и куда ты пойдёшь? Я же тебя люблю, люблю больше всех! — Катерина попробовала отыграть ситуацию назад. — А кого любишь, того и учишь.

— Как куда? Конечно же, в монастырь.

Не дожидаясь, пока она рухнет на колени, объясняясь в любви, — такое раньше бывало, — я бросилась вон.

— Подожди! Хочешь... Хочешь, этот твой монастырь как командировку оформим?

Последнюю её фразу я услышала, уже сбегая по лестнице. И поняла, что директриса близка к унынию.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!» — сказал на эту тему поэт, и он же продолжил: «Тяжела она, шапка Мономаха!»

Концерты, репетиции, общение с музыкантами, среди которых я выросла, которых обожала за детскую непосредственность и талантом которых гордилась, и, наконец, недавнее триумфальное выступление в нашем городе знаменитого маэстро Гергиева, которое организовал «Липконцерт»... Да, возвращение назад, к своим, в храм культуры и искусства, было многообещающим... Рассматривая пейзажи из салона своего авто по дороге в монастырь, расположенный неподалёку, всего в двух часах езды от областного центра, я не щадила ни нервов, ни чувств и вспоминала, вспоминала недавние «музыкальные моменты».

...Крошечная, похожая на зубочистку белая палочка, вынырывающая из длинных пальцев маэстро Гергиева, подобно резвящейся рыбке; его напряжённая и одновременно чувствительная, как антенна, спина, в которой, казалось, каждая клетка отзывается на малейший звук; и наэлектризованный зал, застывший на фоне грядущего эмоционального взрыва, готовый и ждущий взорваться с завершающей нотой. Зрители с каждой нотой — на грани. Каждый раз готовы к новому обмороку, потрясению от музыки. И если бы не снимающий напряжение шквал аплодисментов, отрезвляющий и надёжный, я даже не знаю, чем бы всё завершилось. Аплодисменты на какое-то время возвращали на землю.

На концерте Гергиева моё место было рядом с монахиней Алипией, выполняющей послушание в епархиальных СМИ. Я познакомилась с ней недавно, по случаю. «Липконцерт» начал репетировать духовный проект, и я пригласила её на роль консультанта. А потом и позвала на концерт. Матушка явилась на мероприятие в облачении, в левой руке — духовный меч, чётки. И в самых кульминационных местах музыкального произведения я видела, как её рука замирала, и бледные пальцы сжимали бусинки чётков. Это было как в полифонии: кульминация и тутти оркестра — и сжатые бусинки чётков в руке монахини. Поздно ночью я получила по электронке её письмо.

14 сентября 20.. г., 1:05 пользователь м. Алипия <@mail.ru> написал:

«Татиана, здравствуй!

Несказанно благодарна за потрясающий концерт! Произошло некое окольцевание в моей жизни — я возвратилась

в орбиту моих юношеских поисков художественных образов через классику. Но на этом новом витке у меня другое мировоззрение — через Господа и Его Промысел. Ранее Пятая симфония Чайковского вызывала у меня бурю чувств и эмоций, призыв к какому-то действию. Русскость — она проникает и берedit каждого россиянина. Да еще в этом высочайшем и проникновеннейшем исполнении высокоодухотворенного (а не одержимого, как сказала одна из чиновниц, прости Господи, «административный» русский!) Мастера русской музыкальной гармонии!

Но сейчас! На духовной грани восприятия я ощутила головой и сердцем не только всегдашнюю бурю, а ТО, ради какого действия она должна совершаться. Ради формирования и восстановления у русского человека, по определению Самого, главной черты характера — МУЖЕСТВА, сочетающего в себе патриотизм, силу, стойкость, смелость, верность, преданность через призму заповедей Господа нашего Иисуса Христа, все нам подарившего бесплатно: Россию, супруга, детей, любимую работу, крылечко у дома, таланты.

А сегодня мы, получившие мужество от Господа через родителей, растрачиваем этот дар Божий в основном на какие-то шкурные обвинения, раздражаясь, завидуя, гневаясь и воюя... А Господь давал мужество — как говорят святые отцы православия — для борьбы с врагами рода человеческого — бесами, овладевшими нами настолько сегодня, что они подменили, извратили все правильные понятия (пример из выступления чиновницы на концерте: «...увидим, какой Гергиев страстный...» — в качестве превосходной степени!).

Я верю, что Россия под покровом Матери Божией соберет свой рассеянный Дух, станет с ним мужественной и защитит себя и веру от всех дьявольских сил, ненавидящих Россию, как колыбель православия!

Татиана — дивное православное имя. А русские дворяне называли своих Татиан по-домашнему: Тата! Мне очень хочется называть тебя этими именами — они соответствуют твоей внутренней динамике. Спасибо, что ты у меня появилась.

С любовью о Господе м. Алития.

14 сентября 20.. г., 1:58 пользователь Татьяна <@list.ru> написал:

Матушка Алипия, доброго времени суток! Огромное спасибо, что нашла время нас посетить. Не могу заснуть после концерта, переживаются мысли и чувства, музыка, звуки. Включила ТВ, Россия, второй канал, а там дискуссия о Церкви, и выступает Легойда! — такое вот совпадение! Очень рада, что можем послужить общему делу в меру сил и способностей (я — в самой малости, пока что ты меня укрепляешь!).

Р. С. Очень тронуло, что ты назвала меня в письме Татианой, так когда-то звал меня мой духовник.

Так началась наша дружба, матушка стала мне духовной сестрой, и даже больше, духовной м. А.! — так пригодились аббревиатура. Это многое изменило, мне кажется, я начала мыслить и писать иначе.

Как и многие, кто перешагнул «рубеж сорока», я задавалась вопросом, с кем буду стареть, точнее, с кем буду общаться, о чём смогу говорить. Когда-то знакомая директор библиотеки поставила меня в тупик фразой: «Интересно, с кем могла общаться Анна Ахматова в конце жизни — с учётом того, что её близкий круг, люди высокообразованные и талантливые либо уехали за границу, либо умерли, либо были расстреляны, и учитывая, что сама Ахматова — гений, глыбище, каких больше нет?».

Отнюдь не забираясь в такие высоты и оценивая себя реально, я всё же с ужасом ловила себя на мысли, что уже сейчас не так много людей, с кем я могу разговаривать на одном языке, и кто меня понимает. И очень обрадовалась, что в лице матушки Алипии одновременно обрела собеседника тонкого и чувствительного, и наставника, за которым можно тянуться. Но о том, что я еду в монастырь, я не сказала даже ей.

Авраама призвал Господь. Господь искал Авраама, а тот даже уклонялся, бегал от него, что значит — народ избранный, им было проще. А у меня — наоборот. Ищу Господа как только могу, ищу и спотыкаюсь.

...Вхождение в монастырь оказалось проще, чем я ожидала. Когда я подъехала, старинные, окованные железом ворота были открыты. Дежурная вызвала монахиню с красивым именем сестра Стефания, отвечающую за паломников. Я начала было сбивчиво объяснять, что, возможно, не подойду на эту роль, недостойна. Матушка Стефания, женщина средних лет, быстро взглянула на меня из-под круглых очков и ответила кратко:

— Подойдёте. Я вижу. Возможно, даже захотите у нас здесь остаться...

И обратилась к стоящему рядом колоритному бородачу, видно, из вольнонаёмных, с длинными, собранными в пучок волосами («хозяйственник», — подумала я):

— Машину — в гараж, вновь прибывшую — в келью.

Во дворе монахини, пожилые и молодые, в длинных мантиях и клобуках, плавно спешили по своим делам, и меня поразили их лица, совершенно иные, чем у людей в миру: какие-то очень бледные, одухотворённые, ясные.

Так я попала в другой мир, «мир в церковной ограде», как ещё его называют. В келье, куда меня поселили, было 14 кроватей, но людей мало — всего две пожилые простые женщины. Они объяснили, что утром и вечером все ходят на службы, а днём — послушания. Я положила пакет с самым необходимым на койку, которую мне показали, и отправилась на первое послушание.

Работы, куда меня направляли, сменялись церковными службами, которые здесь длились значительно дольше, чем в обычных немонастырских храмах. За службой следовали новые послушания. И я очень быстро поняла, что это как раз то, что мне в тот момент было нужно. Своя воля отсекалась сразу же, жизнь была насыщенной, ясной, а главное — из головы начисто исчезли сомнения и благоглупости, над которыми я билась в последнее время, как заезженная пластинка. И если свобода выбора — тяжкий груз, то, избавившись от неё, я ощутила невероятную лёгкость. Послушания мои считались здесь достаточно низовыми и «грубыми» — как то: перебрать картошку, помочь на кухне. Но хозяйство и бытовой уклад организованы

65855
9 - 395859

столь продуманно и рационально, что я быстро оценила умелую властную руку, которая их вела. Ведь чаще всего моими товарками на работах были убогие старушки неопределённого возраста, женщины-инвалиды. И с такими скромными силами мы успевали сделать неимоверно много, хозяйство монастыря состояло в образцовом порядке!

В первый же день я «прилепилась» к женщине на кухне, назвавшейся Марией. Она подошла после молитвенного ужина (странники и трудники питались отдельно от монастырских) и попросила помочь с уборкой. Я с радостью согласилась. А чуть позже, всплеснув руками и укоряя себя, Мария побежала просить благословения на новое моё послушание у матери-распорядительницы и успокоилась только тогда, когда получила его. «Правило послушания» соблюдалось неукоснительно, вплоть до того, что когда я попыталась помочь ветхой бабушке вымыть полы, над которыми она трудилась из последних, казалось бы, сил, та решительно воспротивилась: «Что ты, это моё послушание, и я должна его выполнить!». С поваром Марией мы до полуночи перебирали и резали овощи, заготавливали ингредиенты для утреннего компота, ставили тесто на пирожки. (Интересно, что вместо дрожжей здесь использовали кислые яблоки, я раньше не знала такого рецепта, — чтобы у людей не болели желудки!). И я в очередной раз подивилась продуманности и умелому ведению безотходного хозяйства, монастырский стол был полезным и вкусным и за счёт растительной пищи со своих огородов весьма экономичным. А потом я под руководством Марии читала вечернее правило. Она, несмотря на тяжёлый день, слушала стоя, возле иконы и тихонько поправляла мои ударения — каноны, акафисты.

За всё это время мы не сказали друг другу ни слова.

— Не будем разговаривать, иначе уйдут дух и сила молитвы...

Душа умилялась и воспаряла, я была готова заплакать. И так ждала этих слёз!

Не помню, как попала в ту ночь в свою келью. У меня с детства «географический кретинизм», и я ещё долго блуждала по коридорам трёхэтажного здания. Помню, что когда, наконец-то, пришла, большинство кроватей были заняты, я с трудом определила своё спальное место по оставленному сверху

пакету. В коридорах горел свет, некоторые бабульки, опираясь на бадики, читали по книгам молитвы. Я тоже молилась, лёжа в кровати, как могла. И когда около 5 утра зазвонили колокола к утренней службе, то я так и не поняла, спала в эту ночь или нет. На душе было радостно.

И только заправляя постель, я с удивлением обнаружила, что на ней до меня уже кто-то спал, причём не день и не два, а достаточно долго. Но этот факт нисколько не покоробил. Скорее, развеселил.

— Да ты лучше перейди на другую кровать, это Алинино место, она уехала домой на побывку, — прокомментировала Саша, мы успели познакомиться утром...

И тоже рассмеялась.

Монахини и мирские под звон колоколов со всех сторон спешили на службу в храм, мы присоединились к потоку...

...Подниматься в несусветную рань, умываться ледяной водой, отказаться от прежних привычек, весь день быть на ногах, стараться быть полезной и максимально впитывать новые впечатления — это, на удивление, не мучило нисколько, напротив, создавало необычную лёгкость и эйфорию.

Одна из паломниц однажды посоветовала мне помолиться ночью в часовне святителя Тихона Задонского. Не подумавши, я самонадеянно в одиночку отправилась туда воплощать идею. Ночной монастырь был необычайно красив и безлюден, я только позже узнала, что по ночам ходить по территории не принято. Фонари высвечивали мощённые кирпичом дорожки и кроны деревьев. В крошечной келейке святителя, таинственно подсвечивая иконы, горели лампы и свечи, под ногами лежал толстый ковёр... Но стоило мне только начать молиться, как эхо, странное эхо тут же стало вторить моим словам. Волосы на моей голове зашевелились от ужаса и встали дыбом. Мурашки побежали по коже. Неимоверным усилием воли я заставила себя дочитать намеченный круг молитв. Читала излишне поспешно, а как уж добралась до кельи, почти что не помню...

Рассказала о случившемся своим соседкам-паломницам, они ещё не спали. Ожидала, что засмеют. Ничего подобного!

— А что, — строго произнесла рассудительная Саша. — Святитель, как известно, изгонял бесов. Вот они и злятся, мстят

до сих пор, смущают прихожан и паломников... Точно, это их выходы, в келейке святителя и не такое бывает!

Рано утром, в 5.40, при свете лампад и свечей в храме начинался молебен, во время которого все просили у Господа, Божией Матери и святителя благословения на грядущий день. После молебна слушали утренние молитвы и читали записки о здравии и упокоении, потом следовал чин Литургии. Я старалась выстоять всю службу на ногах, но иногда позволяла себе опуститься на одну из скамеечек, в храме их достаточно много, потом снова вставала. Пытаясь не расслабляться в мечтаниях, в какой-то момент я всё же выпала из времени и, как мне кажется, ощутила золотистый струящийся свет этого Храма. Он легко проходил сквозь цветные витражи окон, парил над певчими и устремлялся к куполу, постепенно заполняя пространство...

На третий день пребывания я исповедалась и причастилась. Мне, как и всем, выдали две красивые белые просфоры, на каждой из которой был след маленького копья. Я поняла, что наконец-то принята в большую монастырскую семью, приютившую у себя, помимо монахов, паломников и трудников со всех уголков России.

К тому моменту я уже привязалась к тем, кто меня окружал, с кем делила работу, кров и стояла на службе.

Полюбила юную маму Руслану, приехавшую в монастырь вместе со своей четырёхлетней дочкой-метиской Лидочкой откуда-то с Украины. У девочки ярко выраженная африканская внешность: характерные навывкате карие глаза, широкие губы и... русые, в очень мелких кудряшках, волосы — где бы ещё двадцатилетняя мать и её дитя встретили столько добра, как не в монастыре? А здесь, «в церковной ограде», каждый старался сказать темнокожей девочке в русском цветастом платочке доброе слово, сунуть мимоходом в её ладошку пряник, конфету. И когда юная мама трудилась на кухне, то свободные от послушания бабульки нянчились с девочкой, как со своей внучкой, рассказывали сказки и водили гулять...

Полюбила старенькую Александру Ивановну, которая, несмотря на возраст, каждый раз старалась взять на себя больше работы и не позволяла себе присесть во время церковных

служб. И конечно, часто вспоминаю и бесконечно благодарна моей наставнице Марии, худенькой поварихе из трапезной — с её бесконечным терпением и протяжным белорусским говором. Сама не зная того, на время пребывания в монастыре она стала моим воспитателем. («Духовных бесед надо убегать, — в самом начале знакомства сказала она, — это даже монахиням и послушницам не дозволено, не то что нам, грешным, только батюшки просвещают духовно»). Я старалась не задавать лишних вопросов. Мы просто ежедневно трудились на кухне, а после читали молитвы. На утренних службах, глядя на её смирение и обильные слезы — Мария исповедовалась и причащалась ежедневно, подолгу, и казалось, не будет конца её бесконечному перечислению грехов, не закончатся слёзы, сотрясающие маленькую хрупкую фигурку, — я каждый раз понимала, насколько я духовно ниже неё и вряд ли когда-нибудь дорасту до её понимания духовного мира.

Мария жила в монастыре уже семь лет, но по-прежнему считала, что не в праве претендовать даже стать рясофорной инокиней, не то что мантийной монахиней, оставалась кандидатом на роль послушницы.

Глядя на её огромные, в пол-лица голубые глаза, всё ещё красивые, несмотря на тяжёлую работу, аристократичные руки и согбенную фигурку в плоских стоптанных туфлях — лицо и натруженные руки вступали в противоречие и не сходились по возрасту, — я невольно сравнивала её с некоторыми проплывающими мимо меня, будто ангелы, монахинями — с их белоснежными бесстрастными лицами, отглаженным облачением и продуманной обувью на удобных колодках.

Прости мне, Господи, эти сравнения! На службах они пели возвышенными «небесными» голосами, и вряд ли кому могло прийти в голову их о чём-то спросить, это показалось бы кощунством. В храме мирские и монахини сидели раздельно, по разные стороны, скамеечки для монахинь размещались справа, а для прихожан и трудников — слева. Скорее всего, молитвы мирян не всегда были столь бесстрастны, как предписывает наша Церковь, зато очень искренни. Иисусов Крест закровоточил в этом Храме именно с левой, «мирской» стороны...

Вернувшись домой, я тем же вечером написала матушке Алипии письмо о том, что о многом подумала и хочу уйти из «Липконцерта», и вот что она ответила:

10 октября 20... г., 1:05 пользователь м. Алипия <mail.ru> написал:

Дорогая Тата!

Насилие, в том числе и профессиональное, на работе — это то, от чего Господь всегда ограждает человека. Если в человеке подавляется не его воля, а душевный мир, как в твоём случае, тогда это ложь во смирение и надо менять окружение. Чтобы окончательно себя неокрепшего не сломать, надо потреблять удобоваримую человеку духовную пищу. Подвиги должны идти от возогрето́го Духа. Мы к ним не готовы. Господь от нас и не требует их! Хранение мирного устройства и в работе, и в семье, и в церкви — вот та атмосфера, в которой человек сможет работать над очищением своего сердца. Избавиться от страстей, а не прибавлять их: в этом духовное возрастание.

С неизменной любовью о Господе м. Алипия.

И тогда я ей написала:

10 октября 20....г., 3:05 пользователь Татьяна <@list.ru> написал:

м. Алипия, здравствуй и спасибо за это письмо! Не представляю, кому бы я могла всё это рассказать. Любое слово, а написанное — тем более, сразу попадает наверх, ведь «вначале было слово»... Наверное, это та причина, по которой я редко бываю на исповеди — мои собственные излияния кажутся кощунством, ещё не готова.

Я совершенно отвыкла жаловаться (как Командор, стала памятником) и даже не представляла, что смогу когда-нибудь рассказать настолько личное, слабое, — слабость и есть, когда в душе нет центровки и ясности! — сама себе казалась негнущейся, над медиаторами и психоаналитиками только посмеивалась. И думала про себя: не умею гнуться, зато сразу рухну, единожды, раз и навсегда, лучше об этом не думать. Я никому и ничего не могла рассказывать, ведь если человек рассказывает,

значит, он чувствует в окружающих братьев себе, а я в этом смысле совершенно плохая, дурная и чёрствая.

— «Just do it» — просто делай! — подбадривали меня со всех сторон. Главное — не останавливаться. Оглянешься — рассыплешься, станешь прахом, превратишься, как жена Лота, в соляной столб.

Тебя я воспринимаю как Божью помощь, греюсь возле твоего внутреннего света, учусь настоящему мужеству. Надеюсь, с твоей и Божьей помощью человеческое состояние души и понимание мира ко мне возвратятся.

Огромное спасибо, что ты есть, и ты — настоящая!

Утром, отправившись в «Липконцерт», я подала заявление об уходе и вызвала шквал эмоций и предложений остаться. Прежде всего, со стороны начальницы, Катерины Петровны.

— Ну, рассказывай, — провозгласила она, удобнее укореняясь в кресле. — Что там, в монастыре, происходит? («водить жалом, примериваться», — комментировала сама Катя такие моменты).

— Но... но... — промямлила я. — Делиться сокровенным не хотелось. — Если вы хотите узнать все подробности, то лучше бы вам самой туда поехать! — выпалила.

— Я, можно сказать, засылала тебя туда как разведчика, но с тобой невозможно ни о чём разговаривать. — Катя начинала злиться и тем облегчила мне задачу. — Ты — трудный человек!

— Я это знаю, — сказала я уже твёрдо, железным голосом.

— И даже не концертный!

— Тем более, могу и дома посидеть, не обязательно в «Липконцерте»!

— Нет, ты будешь работать у меня и со мной!

— Отнюдь. Пока вы будете сидеть на своём стуле-троне...

— Интересно!

— В роли Екатерины Второй, или Отелло, или кого-то ещё, кем пожелаете быть. Всё это — без меня!

— И разговариваю и придумываю постановки здесь я, а не ты!

— Точно!

Моё настроение и чувства остались при мне. И я по-прежнему боялась расплескать свою монастырскую радость. Но при этом решения уйти из «Липконцерта» не изменила.

И, куда деваться, устроилась назад, в прежнюю газету. Из огня, что называется, в полымя. Почти что «старые песни о главном», зато — с новым наполнением. Боже мой! Как всё это глупо, как глупо!

* * *

«Дорогая Татьяна! Мы просто стареем...», — написал мне на электронку игумен М. Мы вместе когда-то росли, и я воспринимала этого худенького долговязого мальчишку как брата. Его церковные перипетии и восхождения: неожиданно сбежал с последних курсов двух институтов, в которых учился, в монастырь, принятие монашества, защита кандидатской и, наконец, статус доктора богословия и статус наместника мужского монастыря в столице — мало что изменили в наших отношениях. «...Не вихляйся, живи как умеешь и, по возможности, больше бесстрастно... не кори себя и других по всякому поводу. Созидай свой дух...». Игумен М. с годами внешне превратился в солидного русского батюшку со словом твёрдым, мыслью прямой и ясной, настоящий наш «русский поп». Но для меня так и оставался тем худощавым мальчиком, с которым мы вместе разбирали прелюдии Шопена и читали русских философов... И вместе с тем была в нём некая апокалиптичность на уровне метафизики, пророчественность. С годами — всё больше.

Игумен М., мой названный брат.

II. Лирическое интермеццо

*Из статьи в газету «Парадиз»,
колонка редактора, декабрь 20... г.*

«Оставайтесь духовно сильными. И при этом услышите за спиной крылья Ангела!

Жизнь трудна, и по ходу много возникает вопросов. Я так полагаю, что главное — жить не скучно и сердцем не очерстветь. Прилепиться к чему-то, своим идеалам, и свято в них верить.

Содержание

Авиаторы света. <i>Повесть</i>	7
--------------------------------------	---

Рассказы

Берег дальний. <i>Рассказ</i>	110
Первый — математика. <i>Рассказ</i>	125
Цветочные поляны. <i>Рассказ</i>	135

Падал снег. <i>Маленькая повесть</i>	148
--	-----

Мой месяц март. Юношеские стихи

«Мне надоело мудрой быть...»	194
«Мой месяц март!...»	194
«Хроматическою гаммой дни идут...»	195
«На концерте...»	195
«Флейтиста щёки разогреты...»	196
«Гаммы — верхи и вниз — до одурения...»	196
«Играет Гутман на виолончели...»	196
«Я сталкер...»	197
Портрет	197
«Включила лампу, заварила чай...»	198
«Подшофе и замотавшись в шарф...»	198
Песенка	198
«Перебираю чётки дней...»	199
«Я пишу — как катаюсь...»	199
«Завоеватель — как святой...»	200
«Падает осень шорохом, ворохом...»	200
«Молила. Старый грех и чувства...»	200
«Может, можно и должно...»	200
«Обед остыл. Я не умею...»	201
«Как я устала!...»	201
«С размахом на вселенское владычество...»	202
«Страдать, страдать, опять страдать...»	202
«Труден путь на лошади, коли нет узды...»	202
«Наверное, сто раз права Лаура...»	203

Мой сон	203
«Скажите, вы не знаете...»	204
«Баю-баю, сон-трава...»	204
«Демократы — коммунисты...»	206
«Здесь стреляли в отцов...»	206
Сон	207
«Раздернута душа моя...»	207
«И осень-девочка...»	208
«Жар-птица в сказке — это правда...»	208
«Раз увидев синицу, хотела стать...»	208
Бабье лето	209
«Уплывёт лицо из симметрии тела...»	209
«Назавтра — снег...»	209
«На город обрушился снег...»	210
«Жизнь без тебя...»	210
«Это трудно...»	211
Арабеска	211
«И так легка, полувоздушна...»	212
«Так жалкий переписчик книг...»	212
«26 раз пробили за стеной часы...»	213

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**